

Книжка. — 1992. — 17 окт. — С. 6.

РАССКАЗ, КАК ЗРЕЛИЩЕ

Хорошо помню ту раннюю пору телевидения, когда оно осознавало себя чем-то вроде зримого радио. То есть нередко единственным визуальным эффектом передачи служило изображение ее главного персонажа — журналиста, лектора, какого-либо специалиста, короче, рассказчика. Очень быстро, впрочем, новые музы вспомнили о своей образительной природе, и появление в кадре «говорящей головы», так сказать, рассказчика по преимуществу, стало восприниматься анахронизмом. В самом деле, видение — значит, больше показывайте, дайте взглянуть собственными глазами, лучше один раз увидеть, и все такое прочее...

И тем не менее. Время от времени, словно устав от своих без преувеличения фантастических видеовозможностей, может, по каким-то причинам не вполне им соответствуя, домашний экран, как сорок лет назад, вдруг оказывается во владении одного-единственного человека. Который не комментирует видеосюжеты, не проводит сеансы телегипноза, не читает художественные тексты, не проповедует и не вещает, просто рассказывает. И это, оказывается, поразительно интересно.

По крайней мере, в том случае, если таким «просто рассказчиком» оказывается **Виталий Вульф**. Вообще-то он — доктор наук, историк, литератор, ученый теоретик, научный работник с немалой практикой университетского преподавания. На телевидении он сознательно довольствуется ролью бывалого путешественника, осведомленного зрителя, почти домашнего повествователя и немало в этом пре-

успекает. По той, прежде всего, очевидной причине, что интереснее человека человеку ничего на свете нет. Естественно, человека незаурядного, владеющего, как выражались некогда, сведениями и весьма обширными, и умеющего к тому же совместить эти сведения с типом собственной личности, с пейзажем собственной души, с той культурной традицией, в рамках которой эта личность совершенствуется, и эта душа развивается. Нет, нет, это не исповедь, не знаменитое и уже пресловутое самовыражение. Это объективный рассказ об объективно существующих явлениях театра, кино и общественной жизни. Но это рассказ человека, который интересен не только своей, строго говоря, информацией, но только ее оценками, но более всего своею принадлежностью к культуре, от имени которой он в сущности и ведет свои истории. Претворяя некое художественное событие в новеллу, обостряя некую творческую судьбу откровенной, чуть наивной «интригой», свободно мешая критический анализ с почти бытовыми свидетельствами вдумчивого наблюдателя жизненной драмы. При этом искусствоведческие оценки подаются порой в манере дружеского застольного признания, а подробности чисто житейские вырастают в цене почти до эстетических категорий.

Помню, что в начале передачи, посвященной двум мифологическим фигурам американской действительности — Мэрилин Монро и Мадонне, — я почувствовал некоторую настороженность. Мне показалось, что сам жанр устного рассказа об этих легендарных дивах чреват околотеатраль-

ными и околкиношными пересудами, безотчетным и неделикатным «внедрением» в их частную жизнь, которую, впрочем, они сами превратили в род общедоступного зрелища. Короче, просмотрите в «Московском комсомольце» недавнюю статью, памяти, если так можно выразиться, Мэрилин Монро, и вам станет совершенно ясно, чего я опасался.

Так вот, опасения рассеялись уже в ту минуту, когда выяснилось, на каком уровне осмысления этих ослепительных «звезд» затеял разговор Виталий Вульф. При всем при том, что, заносясь в почти философские выси, он ничуть не забывал о том, что речь идет о двух фантастически притягательных женщинах, посплетничать о которых в корректной манере, право же, не грех. Если опять же иметь в виду под сплетней живой и непредвзятый интерес к личностям обеих актрис, у которых творческая, как теперь говорят, энергетика неотделима от их женской интимной сути.

Интересная вещь, в массовом сознании, во всяком случае, советском, образ Мэрилин Монро существовал в некоей агрессивной наступательной, высокомерной ипостаси. Сама ее сексапильность, судя по фотграфиям, подавляла. Между тем Вульф убеждал нас (и убедил), что покойная суперзвезда была натурой трепетной, мятущейся, ранимой, нежной и что имиджем своим всеамериканского сексуального символа, несомненно, тяготилась. Она и сделалась-то им скорее невольной, в глубине сердца томясь по идеалам не то, чтобы бесплотным, но во всяком случае духов-

ным и душевным. Мадонна — это другое дело. Тут образ «мэрилинновской» сексуальности сознательно запланирован, эпатаж четко рассчитан, агрессивная пренебрежительность выверена до мелочей. Голливудская «фабрика грез» по сравнению с нынешней мифологической машиной массовой культуры представляет заповедником романтизма. Этому зрительски непосредственному свидетельству Вульфа как-то особенно доверяешь. И удостоверившись, что Мадонна, как говорится, героиня не его романа, не можешь не оценить благородной и прозорливой непредвзятости рассказчика. Я имею в виду его замечание о человеческой, а не только об артистической непредсказуемости Мадонны. Бог знает, что она еще выкинет. Что еще сотворит со своими поклонниками и с самой собой...

Давно замечено, что телевизионный экран как бы провечивает пребывающих на нем ораторов, проповедников, агитаторов и пропагандистов. Что ж, Виталий Вульф достойно выдерживает этот рентген. Его лексика изысканна, ораторская повадка кажется порой старомодной, но от этого не менее убедительной, вообще он предпочитает хотя и доверительный, однако не слишком панибратский тон общения со слушателями. Соблюдает дистанцию. Блюдет традицию.

В связи с этим вот какое соображение приходит на ум. В нашей беллетристике правят бал сейчас «постмодернизм» и «поставангард», в ходу пародия, игра, пересмешка, скандал. Замечательно. Однако, наигравшись и натешившись, тянешься душой к простому классическому рассказу. Про людей. Про их обманувшие надежды и необманные радости. Про душевные подвиги и сердечные ошибки.

АН. МАКАРОВ.